

СТАСИНА НАХОДКА

Выбиваясь из сил, дремала
В пальцах Господа. Слог дробя,
Я прошу у небес так мало...
Да, тебя

Вера Полозкова

ГЛАВА I

В день, когда она обрела свободу, восстало солнце.
Солнце залепило дыры в оконных рамах, просочилось в комнату, где в хлопчатобумажном черном платьице на краю подоконника сидела босая Стася. Тем временем солнце мерно растекалось по полу свежей бликующей лужей.

В пустой палате этим утром обитала притихшая Стася. С растрепанной копной светящихся волос, в совершенном отсутствии косметики на хитром подростково-взрослом лице, она с нескрываемым удовольствием распивала только что вскрытую бутылку пива. Несмотря на раннее весеннее бликотворение, в окно порывами поддувал холодный ветер.
В пустой раме старого больничного окна завелась ворона. Она подворововала Стасинны орешки из раскрытоого пакетика, деловито шаря клювом в его нутре.

- Ну вот, ты ешь мои орешки, - разочарованно вздохнула Стася.

Оторванная от своего копошения ворона заинтересованно прислушалась.

- Ты же не пьешь пиво, - она отпила из открытой бутылки, - а я люблю пиво - с орешками!

В следующую секунду дверь растворилась, и в комнату легким широким шагом вошел Стас. Стася в одно движение спрыгнула с подоконника, как ребенок тут же повиснув на его шее.

Он поддержал ее хрупкое тельце в руках и осторожно поставил возле себя.

К его удивлению, Стася улыбалась.

- Наконец-то пришел. Я вечность тебя ждала! Постой тут на стрёме, иначе они примут меня за безумную, - одними губами, полуслепотом, страшно торопясь затараторила Стася и стала расстегивать платье.

- Чокнутая! Прекрати немедленно! Вдруг кто-нибудь увидит?

Но Стася не слушала. Легко сбросив с себя одежду, одним движением она откинула одеяло и влезла под его покров, ощупывая смятую подушку и самозабвенно принюхиваясь.

В ее родном городе наступили настоящие рождественские холода, когда Стасе подвернулась удача. Она устроилась в небольшую компанию, занимавшуюся организацией концертов.

Стася бежала из родного города, надеясь уже никогда не возвращаться в холодные, покрытые жидкотекучей слякотью, с детства знакомые подворотни.

Ее первым серьезным заданием стала встреча прибывающей группы артистов в московском аэропорту.

- И не вздумай опаздывать! - Скорее с мольбой, чем с угрозой в голосе напутствовал начальник. Стася инстинктивно покосилась на часы, висевшие на стене прямо над его лысеющей головой. А спустя несколько часов уже скакала через попадавшиеся на пути сумки и ноги прохожих в метро, расталкивая и распугивая всех и вся. Она примчалась в аэропорт, еле переводя дыхание, с пятнадцати минутным опозданием. Четверо прибывших, увешанные вещами и гитарами стояли, оглядываясь в вестибюле среди толпы встречающих.

- Говорят, - светясь улыбкой тут же выпалила она первой, - лучше на удивление поздно, чем на удивление никогда! Стася. - Стася ревностно протянула руку и замерла, уставившись прямо на стоявшую напротив нее невысокую женщину с мягким прищуром серо-голубых глаз.

- Тата, - ответила та, слегка смутившись прямой откровенности Стасиного взгляда.

Стася пожала руку каждому и повела компанию за собой в сторону стоянки, где их ждала машина.

Вечером она притиснулась в тесную гримерку. В столпе тусклого света с закрытыми глазами сидела Тата. Сонные пылинки пудр парили вокруг и спадали на ее опущенные плечи.

Склонившийся над ней молодой мальчик-гример добавлял последние штрихи к уже законченному макияжу. На столике с высоким зеркалом лежала его развороченная палитра. Другую он держал раскрытой в руке. Стася, замершая на входе, невольно залюбовалась.

- Знаю, чего не хватает. Дай-ка мне! - Протягивая руку скомандовала она.

Молодой человек послушно передал ей палитру с кисточкой, которой только что работал, и отвернулся, собирая разбросанную косметику. Уголки губ Таты чуть вздрогнули, приподнимаясь в улыбке. В остальном она осталась неподвижна. Стася подумала, как хорошо ей наверное сидеть так не шелохнувшись и не открывая глаз. Она придвинула стул. Вскарабкалась на него, усевшись на колени и придвинулась настолько, насколько этоказалось возможным. Теперь она была так

близко к лицу Таты, что ощутила ее едва уловимое дыхание. Почувствовав колебания воздуха, Тата лишь чуть выше подняла голову к свету. Стася легким движением положила руку на ее плечо, еле касаясь одежды - давая таким образом привыкнуть к своему присутствию.

- У тебя такие тяжелые духи, - вдруг чуть охрипшим от долгого молчания голосом проговорила Тата. Стася, не отвечая, окунула кисточку в самые светлые тени и сделала два увереных мазка вдоль нижней линии бровей. За ее спиной хлопнула, закрываясь, дверь. Они остались одни. Стася выудила из набора, раскрытоого на столике, почти бесцветную помаду и мягким движением провела по точно очерченным губам Таты. В это мгновение ей страшно захотелось прижаться к ним своими. Она вдруг одернула себя, испугавшись. Тата открыла глаза. Теперь уже все в ней улыбалось. В следующую секунду в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошла Рита.

- Ребята, мы готовы к чеку!

СТАСЯ

С самого раннего детства Стася славилась ярой ненавистью ко всему условному. В родном для нее городе были оставлены: дом, любящие до предела родители и несговорчивая кошка - Васютка. Окна Стасиной комнаты выходили на юг. Шторы она не вешала принципиально. Стася всегда стояла на своём, даже если стоять было негде. Мама не раз, заглядывая в полуоткрытую дверь, заявляла, что окно надо отгородить от внешнего. Но Стася отговаривалась, оперириуя всеми возможными доводами, и отгородка повешена не была. Мебель в её комнате не приживалась, огромный шкаф вечно стоял открытый и по ночам пугал своей глубокой неизведанностью и темнотой. Иногда ночью ей думалось, что в самой его глубине спрятана дверь, ведущая в звездное поле, наполненное запахами сена и тишины. Но заглядывать туда она так и не решалась, а наутро он превращался в завешанный ненадёванной одеждой ящик. Часто, засыпая, она видела отраженное в его узком зеркале одеяло с куском смятой кровати.

Ее внезапный переезд в Москву не слишком обрадовал маму, но спорить со Стасей было бессмысленно. Прибыв на шумный Московский вокзал в четыре утра, Стася отправилась искать съемную квартиру и к своему огромному удивлению с первой же попытки нашла ее. Ей вообще страшно "везло по жизни", но в этом она себе никогда не признавалась.

После завершения концерта команда во главе с продюсером мероприятия направилась в ближайший ресторан.

- Меня - по центру, как самую маленькую, - запросилась Стася, протискиваясь на кресло между Татой и Ритой.

Тата пропустила Стасю, мысленно улыбаясь ее детскости.

В ресторане, заказанном для ужина, было сумрачно и многолюдно. Пол второго этажа, куда они поднялись, и лестница были затянуты вишневым ковром, который своей беспрерывностью подчеркивал изящно накрытые белым столы - одиноко брошенные или сдвоенные, но чаще слитые скатертью воедино. Их окружали широкие деревянные кресла с кожаными вставками. Типичные для таких заведений латунные светильники, укрытые плиссированными абажурами, распространяли мягкий рассеянный свет. Едва усевшись, Стася тут же схватила с соседнего столика единственное меню и принялась разглядывать картинки, вычитывая особенно смешные названия блюд вслух.

- Какой тихий сегодня вечер, - заметила Тата.

Оторвавшаяся от меню Стася тут же придвигнулась к ней и зашептала, - Едва притронувшись к бокалу, рядом с тобой, я уже предательски опьянела и собираюсь нести чушь. Но тут же отстранилась, поймав на себе недовольный взгляд начальника, восседавшего напротив.

- По-моему здесь не хватает музыки, - поделилась размышлениями Рита.

- Возможно, каждый додумывает ее в своей голове, - вступил Виталик, любивший тишину во всем.

- Музыка — поэзия воздуха, - задумчиво произнесла Тата.

- Говорить о музыке - все равно, что танцевать об архитектуре, - фыркнула Стася.

Повисла продолжительная пауза. Сидевшие за столом углубились в принесенные им меню.

- Доверие начальства не склеишь слезами и соплями, - первой заговорила Стася негромко, так что слышать ее могли только двое сидевших по бокам, - Как встретил вас город? - произнесла она уже совсем во всеуслышание.

Рита, поймавшая ее первые слова, издала полуахрап, едва заставив себя проглотить набранное в рот шампанское. Начальник вопросительно посмотрел на Стасю в упор.

- Уже в который раз мы попадаем в удивительное московское явление - снежный дождь! - спасла ее Тата, - Водная пыль передвигается в воздухе, прямо броуновское движение ... ни в каком направлении. И город оживляется детьми! Москвичи ташат, ведут, везут на машинах, тянут за руку детишек в ненавистные школы. Дети по дороге спят, теряют тетради, дожевывают свой завтрак. А еще - они выводят всех на свет собачек. И город полнится мелкими шерстлявыми телами на поводках. По-моему, город мечты! Дети и собачки.

- Кстати, друзья, вы заметили? По всему городу установили энергосберегающие торшеры! По всем волнующим вас вопросам обращайтесь в Мосэнерго, - не унималась Стася, - Впрочем, не переживайте, они всех нас еще переживут. В центральных и хорошо просматриваемых местах размещены арт-субъекты. Посмотреть на памятник Пушкина и сделать селфи сквозь полиуретановую арку теперь можно будет всегда!

Тата отпила из бокала, изо всех сил стараясь сдержать подступавший смешок. Стася не в силах сдерживаться, нащупала под столом руку Таты и легонько сжала ее своей холодной ладошкой. К ее удивлению, Тата не убрала руку, однако, едва заметно сомкнув на ней пальцы. А впрочем, возможно Стасе это всего лишь показалось.

- Не переживай. Ты же знаешь, любое искусство стремится к тому, чтобы стать музыкой, - примиряющее ответил Виталик.

- Предлагаю выпить за мгновение торжества, когда рождается неожиданный, нежный и тонкий альянс. Какое несоизмеримое счастье сегодня было в легких случайных прикосновений к звукам! - Стася мгновенно вознесла свой бокал, по-детски выделять. - За свершившееся выступление! До самого конца ужина Тата не поворачивалась в ее сторону. За мгновение до того, как все поднялись из-за стола, Стася сунула ей смятый листок, на котором до этого корявым почерком в туалетной кабинке заканчивающейся ручкой она нацарапала свой номер.

- Напиши мне, если до конца тура не забудешь о нашей встрече.

Тата скользящим жестом ладони опустила ее в карман своего пальто. И не ответила.

ТАТА

Тата была вдумчива, непреклонна в принятых решениях и страшно категорична. Уже в ранней юности она научилась говорить "нет". Ее упорство не подкосили ни молодость, ни зрелость. Она была нежна, но свойственные ей нежность и чуткость воспринимала скорее как недостатки и тщательно их скрывала. Еще одним качеством ее стала тактичность. Тата искренне побаивалась больших скоплений людей, не любила, когда к ней невзначай притрагивались, ценила личное пространство других. Но со ставшими близкими была скорее мягка, душевна и тактильна. К любимым шла на руки и нуждалась в руках.

Ее детство прошло в двухэтажном деревянном доме в пригороде Ленинграда, где их семье после продолжительных скитаний по общежитиям, выделили небольшую комнату в коммуналке. Помимо них в квартире проживал с женой и пожилой, но страшно интеллигентной мамой, академик Лесков. Рядом с его двумя комнатами находилась дверь бездетной Зои - веселой, шебутной продавщицы из соседнего Универмага. Благодаря ей каждое утро в их доме начиналось с пьянящего, просачивающегося сквозь все щели и вырывающегося наружу в распахнутые окна запаха кофе, смешанного с ароматом только что выпеченных булочек с корицей. Две дальние комнаты занимали: молодой студент-геолог, который вечно пропадал в экспедициях и выжившая из ума престарелая дама. Также в доме беззаботно проживали две подобранные Татой кошки и веселый котенок - Рыжик.

По воскресеньям в дом приглашались гости. Принимающие гостей и просто желающие послушать собирались на кухне, по центру которой раздвигался круглый дубовый стол. Вокруг расставлялись стулья, которые стягивались со всех комнат. Силами обитателей дома накрывался простой, но тем еще более ценный стол. К еде в доме относились с почтением, и вкус самых обыкновенных продуктов того времени запомнился Тате на все будущие годы. За ужином каждое блюдо смаковалось с особенным удовольствием. Съедалось обычно все. Под конец все сдвигались кучнее, зажигались свечи и кто-нибудь обязательно пел под гитару.

Тата любила свое детство, дом, в котором выросла и атмосферу, царящую в этом дружном, тесно сплетенном мире. Именно поэтому, определившись и начав зарабатывать хорошие деньги, первым делом, она приобрела большой деревянный дом, недалеко от того места, где был снесен тот самый деревянный призрак ее детства. Тата чтила все, что связывало ее с тем временем

и стало первоосновой для возросшего в ней ощущения Дома и Родины. “За Родину обидно” - часто говорила она. И имела в виду ровно то, что имела.

В последний день июня пришло сообщение: “не забыла. Приглашаю на наш Столичный концерт. В надежде, что ты в городе. Тата”

- Если ты будешь без конца переодеваться - мы точно никуда не успеем!

Рита стояла вот уже несколько минут собранная посреди комнаты. Вокруг нее царил хаос. Казалось, Инга нарочно извлекала всю имеющуюся одежду и обувь из шкафов и распространяла ее в пространстве.

- Я просто потеряла туфли! Могла бы помочь. - Инга вскинула в возмущении правую бровь. Рита со вздохом села на корточки, заглядывая под мебель.

- Под кроватью похоронены две каблучные пары, - с усмешкой вынесла она вердикт.

Инга, одетая в тонкое вечернее платье, устремилась под кровать и выудила оттуда необходимую ей. Казалось, одежда Инги едва касалась худенького тела. Рита втайне любовалась ее острыми выступающими лопатками и плавным изгибом длинной шеи, покрытой шелковистым пухом прозрачных волосков.

- Даже не надейся, что мы сразу вернемся, как только ты в них заноешь. Будешь терпеть до конца вечера.

Рита случайно встретила Ингу в литературном клубе, куда друзья уговорили ее зайти. Экстравагантно одетая, Инга выпивала за барной стойкой одна, наизусть декламируя обслуживающему ее бармену Бродского. Вот уже два года они встречались в ее съемной студии под крышей старого здания в центре Москвы. Инга являла собой ее яркую противоположность во всем. Она была катастрофически несобранна, вечно забывала свои вещи, адреса, ключи в замке. Советы слушала нетерпеливо и неохотно, вообще никого не слушалась. Инга всегда была одета «не по погоде», не терпела необходимости носить шапку, перчатки, заворачиваться в шарфы и застегивать сумочку. Едва попадая в квартиру, она тут же раскрывалась, сбрасывая с себя тяготившую ее одежду. Она оставляла во всех немыслимых местах свой телефон. Но больше всего Риту удивляла ее способность раскладывать по самым таинственным углам сережки и кольца. В ванной после нее надолго застывали облака тяжелых духов. Утром Инга обсыпалась тальком, обволакивалась множеством запахов, как будто прячась в их силе. Она боялась грибов. Выбирая продукты в супермаркете, Инга всегда поглядывала на них и с опаской и обходила стороной. Несмотря на свою внешнюю хрупкость, она любила крепкие сигареты, запахи и напитки. Не терпела наркотики и никогда к ним не притрагивалась.

Стася приехала с тридцатиминутным опозданием, с удивлением обнаружив, что концерт еще не начался.

Рита встретила ее в маленьком холле, за руку выдернув из толпящейся молодежи на входе.

- Проблема с одним из музыкантов. Мы ищем замену, - объяснила она.

Стася протискивалась сквозь плотно стоявшие, жаркие тела, осторожно прижимая к себе пакет с бутылкой шампанского.

- А что произошло?

- Наш клавишник ушел. У них с Татой был разговор. Я не знаю подробностей. Но, по-моему, это предательство - бросить все и уйти за четверть часа до начала концерта.

- Летели тапочки, хрустели копчики, - парировала Стася.

Рита улыбнулась.

- А где Тата?

- В гримерной. Прямо по коридору, последняя дверь направо. Там открыто.

Стася проскользнула в маленькую дверь сбоку от сцены и попала в компактный коридор.

Его неровные стены были замазаны толстым слоем темно-вишневой краски. Стася проникла до самого конца и на всякий случай постучала в указанную дверь, прежде чем войти.

Тата сидела, склонившись над столом. Ее правая рука подпирала подбородок.

На сосредоточенном лице читалось волнение. Она повторяла текст, написанный от руки в лежащем перед ней раскрытом блокноте, считывая и проборматывая его.

Скорее автоматически, чем осознанно, на услышанный стук Тата поднялась со стула, взяв блокнот и все еще продолжая следить взглядом за текстом. Стася вошла, плотно заперев за собой дверь и оставив бутылку на столе.

- Однако он дарит мне ничем не оправданное счастье... - озвучила вслух свою случайную мысль Тата, - молодец, что пришла!

Одной свободной рукой она выправила язычок от часов на руке, в которой держала блокнот, все еще вглядываясь в бегущие перед ней строки.

Стася подошла и, скорее инстинктивно и машинально, чем осознанно, дотронулась до запястья Таты, стягивая часы. Тата вздрогнула от прикосновения ее рук.

- Вы нашли клавишника? Все-таки он скотина! - не выдержала Стася.

Тата, наконец, оторвалась от написанного и посмотрела на нее прямым светлым взглядом.

- Нашли замену из старого состава. Володька уже в дороге. Нам повезло, что он оказался в городе.

Тата задумчиво улыбнулась. Казалось, проблема с музыкантом не очень ее тяготила.

Стася бросилась назад, вспомнив про оставленную на столе у входа бутылку.

- Я же привезла тебе настоящее шампанское!

Пока Стася вскрывала бутылку, в гримерную без стука вошла Рита, анонсируя на ходу:

- Володя приехал. Все на месте. Вы тут как?

Стася села на подлокотник, передавая Рите один из наполненных бокалов.

- Похоже, вы серьезно готовитесь, - в комнату протиснулась Инга. С трогательной улыбкой она вытянула из рук Риты бокал.
- Ох уж эти эфемерные создания, - ответила Рита, придвигая Ингу к себе.
- Все, что не убивает - делает нас мудрее, - добавила Тата, и отпила встревоженное шампанское из наполненного до краев бокала.

СТАС

Их знакомство со Стасей произошло еще в вечно несущейся куда-то юности, на вечеринке общих друзей. Стася сунула ему в руки свой опустошенный бокал, пробегая мимо. В тот вечер она много смеялась, сыпала остроумными шутками, вообще страшно выделялась. Стас наблюдал за ней исподтишка. А потом увез Стасю к себе. Домой ей возвращаться было слишком поздно и пьяно. С тех самых пор между ними завязалась странная неразрывная дружба.

Стас не раз спасал ей жизнь, вытаскивая из сомнительных компаний, берегал Стасю и потакал ее бесконечным капризам. Его излишняя серьезность билась вдребезги о Стасино обаяние и харизму. Узнав, что она едет в Москву, Стас, привыкший к ее выходкам, сосредоточенно дослушал Стасин сбивчивый рассказ до конца. Затем позвонил в офис, где проработал последние десять лет и без ложного сожаления уволился. А уже спустя неделю прилетел за ней следом. Подобрал небольшую комнату неподалеку от ее съемной квартиры и занялся поисками нового места работы.

Высокий, с добрым внимательным взглядом каштановых глаз и вежливой улыбкой, одетый слегка старомодно, но всегда аккуратно, Стас казался воплощением спокойствия и порядка, так не достававших Стасиной взбалмошной жизни. Он был всегда тщательно выбрит. Прическу носил слегка взъерошенную, рубашки наглаживал до безупречного хруста.

Когда Стася пропадала, он погружался в работу. Вечерами читал статьи о животных и терпеливо дожидался ее звонка. Когда Стася объявлялась, то дабы загладить свою вину звала его Стасиком, что означало наивысшую степень ее преданности. Стасик таял и всегда помогал.

Едва только город за окнами остановился, Стася спрыгнула на обледенелый перрон и, не застегивая пальто, помчалась к выходу из вокзала. Она нетерпеливо протискивалась в щели между неторопливыми фигурами выходивших. Наконец, выбравшись на площадь, она тут же издалека увидела ее. Тата была на другом конце площади, их разделяли несколько десятков метров. Уверенными движениями она расчищала машину от третьи сутки непрекращавшегося снега. Стася удивилась, будто никого больше вокруг не существовало, кроме ее маленькой, ловко двигающейся в толстом пуховике фигурки с накинутым капюшоном. Она издала сдавленный, ликующий полу вздох - полу вопль и бросилась в сторону Таты. Тата уже заметила метнувшуюся в

ее сторону фигуру и застыла в ожидании, с отцепленным дворником в руках. Стася прыжком преодолела разделявший их заборчик и губами приклеилась к ее щеке, вискам, волосам - всему до чего удавалось дотянуться. Ей страшно хотелось дотронуться до краешка губ, но она вовремя себя одернула.

- Сумасшедшая, ты же вмиг замерзнешь! - запротестовала, смутившись, Тата, отцепляя Стасино дрожащее тело и запахивая на ней пальто. У тебя хотя бы шапка есть?
- Даже две, - рассмеялась Стася, натягивая на уши выдернутую из кармана шапку со смешным подвижным помпоном.

Не успела машина остановиться у разъехавшихся ворот, как Стася распахнула дверцу и первой выбежала на волю. Тата неторопливо вышла из машины. Пока она возилась, выгружая сумки с продуктами, Стася обследовала участок, поросший многолетними соснами. Она обежала дом вокруг, оставляя свои петляющие отчетливые следы на нетронутом снегу, и остановилась у лестницы, ведущей на крыльцо, нетерпеливо топчясь на одном месте.

- Можешь войти, там открыто.

Стася вмиг взобралась по ступенькам на широкое крыльцо и распахнула дверь. Из дальнего угла комнаты на нее уставились два сонных зеленых глаза.

- Ого-го, ты не говорила, что живешь не одна, - сказала присвистнув Стася, - Как звать зверюгу?
- Степан, - ответила Тата улыбаясь.

Тем временем Степан уже спрыгнул с нагретого на подоконнике места, образовав огненно-рыжее колесо в проеме входной двери.

- Первой в дом должна войти кошка, так что прошу!

Но Степан даже и думал двигаться с места. Тогда Стася одной рукой подцепила разогретое тельце, взваливая огромного зверя на руки. Крепко прижав тут же заурчавшее животное к пальто, она вместе с ним пошла осматривать дом.

- Я бы на твоем месте все же разделась, - предупредительно бросила ей вслед Тата. - Он страшно лезет в межсезонье.

Все стены в доме были оббиты широкой горизонтальной доской и выкрашены в натуральный светлый оттенок. У самого входа ее встретило орехово-глянцевое фортельяно. Она прошла мимо большого обеденного стола, раскинувшегося по центру кухни-столовой. Пол первого этажа был выложен массивными пластами натурального камня. Прижавшись к стене в гостиную выступал камин, выложенный разношерстной плиткой. По его верхнему краю скромным рядом жались иконы. Стася поднялась по деревянной лестнице. Второй этаж захватила просторная музыкальная студия, по стенам которой свисало множество неизвестных струнных инструментов. Стася со знанием дела прошлась по коридору, заглянув в гостевые спальни. Она даже просунула свой нос с гардеробную, где распахнутой стояла гладильная доска и пахло свежестирианными вещами. В ее голове тут же промелькнула мысль, что каминная труба напрасно протыкает здание изнутри, разрушая пространства. Она с недовольством фыркнула.

Последней необследованной комнатой оказалась библиотека. Тата застала ее стоящей посередине, задравшей голову и разглядывающей названия книг.

- Да у тебя же есть воспоминания Ариадны Эфрон!

- Не вздумай лезть туда, - С материнской ноткой в голосе пригрозила Тата.

Но Стася уже лезла, ненадежно ухватившись одной рукой за край стола. С верхней полки посыпалось собрание сочинений Тургенева. Тата вздохнула. Довольная Стася, вытянув нужную ей книгу, ловко спрыгнула на пол.

- Это же твой портрет! - сказала Стася, распахивая книгу.

- Больше похоже на портрет Марины Ивановны, - с недоверием отметила Тата.

- Да нет же, книги - твой портрет.

На мансардном этаже расположилась просторная спальня с окнами-фонарями. В целом дом производил ощущение уютного, но вместе с тем просторного аскетизма. Стася насчитала четыре балкона, раскрывающиеся на все стороны света. «Прямо как в древних храмах», - подумала она. При этом в абсолютном отсутствии штор, все окна были распостерты проникающему свету. Солнце втекало в него абсолютно повсюду, что создавало ощущение, будто светится сам дом изнутри.

Этим вечером царило в доме оживление. В кругу прибывших друзей Стася тут же почувствовала себя принятой и вовлеченной. Тата разжигала камин, сидя в глубоком кресле. Длинной корягой она ворошила раскаленные до красна, поседевшие по краям поленья. Пахло дымящейся еловой смолой и коньяком. Стася разливала по томящимся в ожидании бокалам шампанское.

Рита достала из духовки растерзанный шмоток мяса, который Стася часом раньше засунула туда, посыпав мелко рубленной зеленью и овощами.

- По-моему, ты ни черта не умеешь готовить, - засмеялась она, увидев на противне шипящую композицию.

- А я и не обещала, что умею, - обиделась Стася.

- Послушай, ну должна же ты хоть что-нибудь уметь делать хорошо? Я все-таки убеждена, что совсем бесталанных людей не бывает.

- Ага, - Подтвердила Стася, засовывая отрезанную четвертинку яблока целиком в рот, - я черчу.

- Ты что?

- Вообще-то, я - архитектор, - Стася вдруг посерезнела,- моя профессия - проектирование среды, понимаешь?

- Кажется, теперь понимаю. - Насмешливое выражение лица Риты сменилось неподдельным удивлением, - непереводимый итальянский фольклор.

- Но я - архитектор от нужды, а не от Бога.

Приехавший последним Виталик, тут же занявший собой лучшую часть дивана, рассказывал Тате о лечении сердца поэзией.

- Европейскими исследователями было доказано: ритмика удачно сложенного стиха входит в резонанс с биением человеческого сердца. Его ход упорядочивается, восстанавливается частота дыхания.

- «Сердце, пламени капризней,

В этих диких лепестках,

Я найду в своих стихах,

Все, чего не будет в жизни...», - откликнулась Тата.

- На мой непрятательный взгляд стихи легче и совершеннее прозы. - заметила Рита.

- Стих менее материален что ли. Проза более приземленное создание. Она брутальнее. В рождении стиха присутствует определенная метафизика. - продолжила мысль Инга. Она взяла стройный бокал еще пенящегося шампанского и подошла к огню. Ее тонкая, точно сложенная фигура застыла на фоне беспорядочных всплесков пламени.

- А все-таки поэзия - это выпендреж, - врезалась в разговор Стася, - Куда честнее писать прозу, не пряча за рифмой неумелость или недостаточность мысли.

- Когда рождается настоящий стих - языковое совершенство достигает своего абсолюта, - лицо Таты вдруг стало серьезным, - ведь в этот момент происходит ритмико-смысловой альянс. Рождается напряженная интонация. Это как раз то, что трогает.

Как только с лица Таты сходила откровенная, всегда как бы снисходительная улыбка, ее место в одно мгновение занимала вдумчивая серьезность, почти что грусть. Это был то ли отпечаток, то ли отблеск понимания в ее глазах. Она знала то, что немногие имели возможность познать. Мягкие морщинки под глазами и чуть уловимый изгиб узких губ при этом продолжали улыбаться. Поэтому ей так шла улыбка, своим появлением вмиг озарявшая все лицо.

- А мне неловко писать стихи. Это какое-то неприличное насилие - запихивать прозу в структуру рифмы, - не унималась Стася. - Если, конечно, это не происходит естественно.

- Однако, ты слушаешь песни. А музыка естественно сосуществует с поэзией, - заметил Виталик.

- Умеющие прикасаться к музыке - сродни Богу, - заметила Инга.

- Подтверждая сокральность момента..., - сказал с улыбкой Виталик, естественным жестом передавая Тате гитару. Тата приняла ее из его рук.

Стася подошла к ее креслу сзади, осторожно положив ладонь ей на опущенное плечо. Тата улыбнулась, не оборачиваясь и не выпуская из рук гитары, накрыла ее детскую ручку своей ладонью. Слегка склонила голову, как бы собираясь коснуться ее щекой, но передумав, потянула Стасину руку, привлекая ее тем самым к себе. Стася легко перекинулась через спинку кресла и захватила Тату обеими руками, тут же уткнувшись носом в ворох ее волос. Тата зашептала ей на ухо слегка опьяневшим голосом:

- Давай уже сбежим, ну их?

- Сначала спой для меня ту грустную песню, - запросила Стася, торжествуя, но стараясь оттянуть момент.

И Тата запела тугим, напряженным голосом, эхом проникающим в каждый уголок дома, от которого у Стаси бежали мурашки по спине. Когда она пела, закрыв глаза и лишь изредка опуская взгляд на аккорды, мир вокруг переставал существовать для нее. Стася завороженно смотрела на

напрягающуюся шею, на то, как точно скользит рука по струнам, и ее наполняла нетерпеливое томление. Она бы ни за что не призналась, но в такие минуты готова была отдать все на свете за возможность прикосновения.

Тата была небольшого роста с удивительно пропорциональной при этом фигурой. Короткие светло-русые волосы оперяла редкая седина, слегка высукивая их. Обесцвеченные волоски лишь сильнее преломляли попадавший на них свет, делая их естественный оттенок глубже. Тата не носила украшений, лишь изредка надевая на шею широкую серебряную цепочку. Стася наслаждалась, разглядывая как та примыкает к ее тонкой мальчишеской шее. Особенно Стасю завораживало соприкосновение металла с впадинкой на задней стороне шеи, где цепочка соединялась, дотрагиваясь до кромки волос. Губы тонкие с насмешливо приподнятыми уголками. Нос острый, сужающийся к переносице и приспущеный на кончике, приспособленный к вздергиваю и вечно стремящийся вверх. Низкие русые брови, плавной дугой смягчающие тяжелую выразительность взгляда. Между ними едва заметным намеком - две поперечные черточки, приобретающие при первой необходимости глубину. Глаза темные, серо-голубые. Покатые светлые зубы ровным рядом, с готовностью обнажаемые при частой улыбке. Живые, многочисленные складочки на ровном и гладком в покое лбу. Короткая густота ресниц. Руки подвижные, с развитой моторикой ловких пальцев, заканчивающихся короткими округлыми ногтями. Ни одним кольцом не стеснялась их свобода.

Каждую ночь этой недели Стася засыпала рядом с ней, едва касаясь ее маленького тела. На большее она не решалась. Одновременно со всем она наслаждалась неизведанностью и нежным теплом, распространяемым Татой. Ей было страшно. Тата ее притягивала.

Рита вошла в квартиру, привычно вынимая из внешнего замка забытые Ингой ключи. По квартире плыла дымовая завеса из смеси теплых пряных запахов гвоздики и лаванды.

- Ты что, сожгла все имевшиеся у тебя палочки? Безумная, ты же задохнешься!

Рита пробралась к окну, начинавшемуся от уровня пола, и распахнула его настежь.

- Не задохнусь. Это очень эскизный аромат, в нем много нюансов. - промурлыкала Инга.

- Если ты продолжишь жечь их в спальне, я буду выставлять тебя ночью на балкон. - серьезно отрезала Рита.

- Родители уже выгнали меня из дома, когда мне исполнилось двадцать лет.

Рита застыла. Обернувшись, она посмотрела на Ингу, сидевшую с ногами на диване с собранными в неаккуратный полухвост волосами, в коротеньком летнем платье, из под которого торчали разбитые колени.

- Ты никогда не рассказывала.

Она подошла, присаживаясь на край дивана, не решаясь притронуться к Инге. Но Инга сидела ровно с неизменным выражением лица. Ни тени обиды не проскользнуло в ее взгляде, лишь отражение усталости.

- Моя мать. - Инга притронулась к волосам, потом к губам и вернула руку в прежнее положение, - прониклась ненавистью сначала ко мне, затем ко всем, кто меня окружал. Она находила вину в каждом, кто по ее мнению имел хоть малейшее отношение к формированию моих мыслей, идей, самоидентификации. В попытках объяснения этого уродства, физической патологии и ненормальности, она обвинила меня в желании быть экстравагантной, творческой, уникальной, какой угодно - другой. Думала, что я совершаю все назло и вопреки.

Рита взяла ее за руку. Инга инстинктивно отдернула руку.

- Только не вздумай меня жалеть.

- Но она продолжает звонить тебе!

- Чтобы в очередной раз напомнить, что я - больное животное, не оправдавшее возложенные на него надежды.

- Сколько бы ты не объясняла собаке, что исключая потребности в корме и сне, есть еще потребность в искусстве - она тебя не поймет. Для нее искусства не существует.

- Намного упрощенней. Она считает, что притяжение женщины к женщине - сродни сектанству. И была бы рада, если бы в доказательство меня сразила какая-нибудь ужасная болезнь. Больных особей надо уничтожать в ее понимании.

- Ты спрашивала, чего она хочет?

- Чтобы я насильственно отдавалась мужчинам, через физическое страдание и отвращение продираясь к наслаждению. Ей бы понравилось видеть мою боль, как расплату за доставленные ей переживания.

- Я надеюсь, что однажды наступит момент, когда отклонение от стандарта перестанут считать психологической дисфункцией.

- Моя дорогая, эта эпоха закончилась, когда в Древней Греции было изобретено понятие гомосексуальности, - произнесла Инга с усмешкой.

- В любом случае, рождение любви - это таинство. Не поддается объяснению, почему одним дан именно этот дар - любить себе подобных.

- Меня не оставляет лишь один вопрос: в чем заключается истина этого сражения, если абсолютная цель родителей - видеть их детей счастливыми? Почему представляется невозможным дать благословение на жизнь с любимым созданием? Неужели настолько сильны в человеке религия, традиции и общепринятые, а часто навязанные понятия? За что ведется жестокая, никому не нужная война, если жизнь так мимолетна и конечна?

Рита молчала.

Стася дважды открыла и захлопнула входную дверь, находясь в нетерпеливом ожидании, пока Тата поднималась в лифте на девятый этаж. Наконец, раздался робкий звонок в дверь. Стася, только что усадившая себя на диван, подскочила и бросилась открывать. Уже у самой двери она вдруг остановилась, подумав, что ей показалось.

От волнения Тата не расслышала звонка внутри квартиры и позвонила еще раз.

Стася распахнула дверь.

Тата вошла и, стараясь скрыть смущение, с порога принялась рассказывать, какая забавная встреча была уготована ей в подъезде.

- Представляешь, она решила выяснить мою личность и попросила паспорт. Мое лицо показалось ей подозрительно-знакомым.

- Плохая привычка опаздывать. Особенно - если в чью-то жизнь.

Стася отбросила принесенный Татой букет на стул, мигом снянула с нее кожаную куртку и легонько прижалась к ее теплой, мягкой щеке.

- Что-то я разволновалась, - вдруг откровенно призналась Тата.

- Я сама жутко нервничаю. Надо нам выпить, тогда все будет казаться не таким странным.

Стася схватила бутылку брюта и забегала по кухне в поисках полотенца.

- А лед в этом доме существует? - заинтересовалась Тата, открывшая дверцу и разглядывавшая содержание холодильника.

- Нижнее отделение.

Стася отхлебнула предательски вылезавшую пену из горлышка.

- Еще бы хорошо обнаружить бокалы, - рассмеялась обернувшаяся Тата.

Спустя четверть часа они сидели с ногами на низком широком подоконнике напротив друг друга.

- Если бы завтра не надо было лететь, я бы осталась здесь навсегда. - произнесла Тата после некоторого молчания, разглядывая город. - Мне нравится бардак Москвы, когда она где-то далеко внизу. Мне приятна тишина твоей квартиры. Я люблю негромких людей, чистоту звука, прозрачный минимализм саунда.

- В этом мы с тобой похожи. Правда, я слушаю музыку громко. При этом ненавижу пользоваться пылесосом и феном за раздражющую мощь извлекаемых звуков.

Тата расслабленно вытянула ноги вдоль рамы окна. Ее взгляд упал на углом торчавший фрагмент кровли того же здания.

- Посмотри наверх, как будто по этой крыше можно ходить.

- Забудь про "как будто", у нас есть ключ!

Стася вскочила и, порывшись в коробочке, стоявшей на шкафу, извлекла оттуда связку ключей.

- Приглашаю на ночной обзор города с высоты первого московского небоскреба, - гордо провозгласила она.

На крыше было свежо и тихо. Откуда-то снизу доносились отзвуки ночной жизни города. Стася втащила по крутой лестнице шерстяной плед и расстелила его прямо напротив бойницы, сквозь которую просматривался обширный фрагмент ночного центра. Из соседнего ресторана выкатились две пьяные женские фигуры, и, держась друг за друга, направились к подъехавшей машине.

Тата присела, осторожно поставив на край парапета бокалы. Стася опустилась сзади и больше не в силах держаться, прижалась к Тате, пропустив руки и обхватив ее хрупкое тело под курткой.

- Ты же оставила дверь нараспашку, сюда могут в любой момент подняться!

Но Стася не слушала. Она утонула носом в ее волосах и застыл долго не отрывалась, обездвиженная.

Тата легонько отцепила ее прильнувшее маленькое, почти невесомое тельце от своего и усадила Стасю рядом, все еще держа ее руку в своей ладони.

- Хулиганка! Вообще-то, это рискованно! - засмеялась Тата, - я должна была тебя немедленно отогнать.

- Не буду просить помилования, меня уже расстреляли... - Пробормотала смущенная, светящаяся от нахлынувшего вдруг осознания счастья Стася, и улеглась головой к ней на колени.

- А о родителях ты подумала? - наставляющее профилонила трубка.

- Не дави!, - Умоляюще застонала Стася, - может быть я, наконец, полюбила!

- О, это тебе конечно виднее, - пробормотал недовольный голос Стася.

- Это что еще за унылый эквилибрист? - возмутилась Стася. - Давай, скажи, что все будет хорошо и это скоро пройдет!

- Я бы на твоем месте сто раз подумал, - заметил он.

- Пока я семь раз отмеряла — другие и отрезали, и унесли...

- Стася, послушай. Я просто хочу тебя предупредить, понимаешь. Она - взрослая женщина и знает, чего хочет. А чего ждешь от нее ты?

- Ты - олень, вот что! Вообще-то я ее завтра бросаю и улетаю к морю. Ключи брошу в твой почтовый ящик. Сим-карту выкину из окна поезда на пути в аэропорт. Ну, чао! - Отпарировала вопрос Стася.

Она еще мгновение помолчала и бросила надоевшую ей трубку.

Стася еще раз посмотрела билеты. Оставалось совсем немного и она сбежит от этой слепой зависимости, от судорожного притяжения той, которая была почти каждый день далеко. Пусть море и жара заставят ее забыть нестерпимое желание.

В комнате уже несколько минут звонил телефон. Только теперь она обратила на него внимание, отрываясь от своих мыслей.

- Да.

- Я думала, ты не ответишь. Тата в больнице.

Стася села на край дивана, не понимая, что происходит.

- Тата?

ГЛАВА II

В ночном отделении было пусто. Лишь изредка тишину нарушало шуршание тусклого потолочного светильника над главным коридором. Дежурившая медсестра, появившаяся несколько раз с обходом, настороженно поглядывала на вжалвшуюся в угол дивана Стасю.

Всю ночь она просидела в пустой приемной. В шесть утра пришел сонный охранник, разрешив Стасе пройти. Она, почти не глядя под ноги, проскользнула в стальной с круглыми оконцами лифт и рванула по спящему этажу в поисках нужной палаты.

Она ворвалась в тихий сумрак комнаты, по стенам которой стояли одинокие с металлическими спинками кровати. Тата лежала одна, неподвижно, с открытыми глазами и нависавшими над изголовьем ее колыбели капельницами. Прямо перед ней в раскрытые окна затекал жидкий рассвет.

Дернувшись было в ее сторону, Стася вдруг остановилась, и бросилась к зеркалу - утирать хлынувшие слезы. Тата обернулась на шорох. В два шага Стася оказалась у ее изголовья и, стараясь не попасть взглядом в глаза, припала к низкой кровати, на которой лежала Тата, увитая проводками.

Вдруг испугалась, но уже в следующее мгновение быстро-быстро стала покрывать мирно лежащие руки Таты мелкой дробью поцелуев. Затем вскочила и немедленно осыпала прикосновениями губ ее лицо. Наконец на ее пути встретились губы. И она, не обделяя, стала хватать их горячими своими. Тата ответила ей. По ее улыбающемуся лицу ползли слезы.

Тогда Стася откинула одеяло и положила на обнаженную грудь Таты свою растрепанную голову так, что ее волосы почти полностью укрыли ее. Тата накрыла ее своей сухой горячей ладонью. Стася прислушалась. По коридорам бродила тишина.

Стася всегда засыпала не прижимаясь, зарывшись в одеяло, обложившись со всех сторон его толщиной, образовывая свой личный кокон - спальный мешок. Перед тем, как уснуть, она нашупывала ладонь Таты. Ей требовалась не вся рука, один только палец, который она обхватывала своей ладошкой и тут же засыпала. Она нуждалась в этой связи.

С первыми лучами солнца она забиралась, проникала, просачивалась, подползая под Татино одеяло, еще не до конца проснувшись, и дышала ей в шею, не разрешая повернуться. Иногда недовольно копошилась, расширняя, растягивая и требовательно раздвигая его, заполучая и присваивая Татино личное пространство, заполняя все захваченное собой.

Кот Таты был созданием преданным, неизменно гнездившимся по утрам на одеяле в ее ногах. Едва проснувшись, Стася забегала со свежей газетой в ванную, усаживаясь на коврике возле Таты, возлежащей в бурлившей воде. Она вычитывала новости, запуская одну руку в воду и елозя там, дотрагиваясь до попадавшихся наугад частей тела. Чувствуя стеснение Таты, она специально не смотрела, не разглядывала. А когда говорила - ловила ее глаза и уже не на секунду не отпускала, не опускала взгляда. Ей нравилось, что Тата смущается, испытывая неловкость за свое старшее тело.

- Столько всего происходит в мире, пока ты тут отлеживаешься!
 - С кем мы воюем сегодня?
 - С геном мутации, распространяющимися со страшной скоростью либералами и гетерофобией.
 - Про фобии должно быть интересно.
 - «Вексиологии некоторые источники определяют гетерофобию как боязнь представителей противоположного пола или гетеросексуальных отношений...» Вот все хотела тебя спросить - зачем ты носишь серьгу только в левом ухе? Это что-то значит?
 - Поэтому и ношу, чтобы это вообще ничего не значило.
- А ты зачем носишь в обоих?
- Мне можно, я - не определившаяся, - фыркнула Стася, переворачивая страницу.
 - Становится страшно, когда осознаешь, что пока мы сидим в ванной - от болезней, недоедания и воин в мире ежесекундно погибают тысячи человек. - Тата задумалась.
 - Я против любого насилия. Не понимаю, зачем убивать, когда финал у всех один.
 - И как при этом быть яростным защитником существующего правопорядка? Ты такая неточная.
 - Признайся, тебе же просто нравятся красивые фразы, - примиряюще ответила Стася, допивая принесенный ей и уже успевший остывть кофе.

Спустя несколько недель после ее возвращения из Госпиталя, Тата выглядела счастливой и невесомой.

На самом деле, она медленно умирала.

Ночью Стасе не спалось. Она елозила по подушке, стаскивая одеяло с Таты, то и дело ругаясь, то на холод, то на духоту.

- Не стоит увязывать меня с собой, тебе надо отдохнуть. Я прошу тебя - уходи.

Стася замерла.

- Какая-то это шняга нездоровая! - взмолилась она, - Мне страшно, понимаешь? Я не могу уехать, не зная даже, сколько нам остается.

- Я знаю. У меня еще есть в запасе пара месяцев.

- Мы поедем вместе, - протестующе объявила Стася, - У нас же еще не было отпуска!

ГЛАВА III

- Подойди ко мне, какая же ты тоненькая!

- Смеешься надо мной? - сказала с мягкой улыбкой Тата, придвигаясь ближе.

- Любуюсь. Они теперь навсегда мои, эти настрадавшиеся руки. Стася поймала между своими хрупкими ладошками ладонь Таты. Тата застыла, наслаждаясь мгновением.

- Как мне удержать тебя, когда ты так молода? Ты же такая восторженная!

Стася заговорила серьезным тоном, нахмурившись:

- Я впечатлительная. И это будут отношения навсегда. Вечная влюбленность и очарованность. Смысл кроется в недоступности абсолюта, понимаешь? Все что я могу отдавать - это редкие соединения. Но такие, чтобы всегда хотелось бежать друг к другу, а ноги сами несли навстречу. Я теперь отвергаю любое обладание, чтобы предотвратить заведомую неизбежность потери. Не позволяю тебе меня разлюбить, не позволяя себе тебя присваивать. Я бы хотела все с тобой, до конца, всю тебя. Но не взять, не получить - нет. Разве что временное принадлежание. А потом обратно - в мое «не владение», недоступность и ожидание.

- Как ты смешно говоришь. Я не стремлюсь к обладанию, и меня не пугает мысль о разлуках.

Старится страшнее. Стараешься об этом не думать, отвлекаешь себя, занимаясь делом. Но ощущаешь, как день за днем тебя становиться чуточку меньше. А впрочем, уже и не суждено.

Стася прижалась к Тате и застыла, уткнувшись носом в ее висок.

- Как шрам времени, буду любить каждую свежую морщинку на твоем лице. Если бы я могла разделить все оставшиеся годы с тобой на двоих! Зачем мне длить свою жизнь, если всех моих близких, кого я люблю - их больше не будет?

- Ты говоришь так, пока у тебя нет детей.

- А еще, я боюсь заснуть однажды, а проснуться постаревшей. Так страшно, наверное, в старости видеть в снах себя молодую, а потом просыпаться.

Они прилетели к морю вдвоем и провели практически не выбирайсь из постели два дня. Их комната превращалась то в домашний кинотеатр, то в скопление развернутых книг. Вечером настежь раскрывался балкон и вечерний шум готовящейся ко сну природы наполнял комнату.

Боясь, что Тата будет чувствовать себя неуютно в ее доме, Стася уговорила взять с собой кота.

Кот бродил неприкаянный третьи сутки.

- А не отправиться ли нам на прогулку? - на третий день их добровольного заключения предложила Тата, рассматривая низкий густой крем облаков в окне.

Они вышли лишь вечером, осторожно двигаясь между застывших оливковых деревьев, стараясь не волновать их безмолвную неподвижность.

Тем временем ветер растрепал по небу светлую изнанку облаков. И они застыли, прохудившиеся и размазанные по его серой подложке. В этом рассеянном свете лицо Таты казалось особенно мягким, сгладившимся, тем самым лишь сильнее подчеркивалась выразительность его черт.

Они подошли к застывшему морю. Вода чуть вздрагивала, пропуская сквозь себя мягкие перекаты волн, льющих белыми вспененными гребешками к берегу.

- Еще мгновение и дождь пойдет, - прошептала Стася, боясь нарушить молчание затихшей природы.

И хлынул дождь. Тишина была взорвана его многозвучной лиющей силой.

Держась за руки, они бросились в сторону дома, смеющиеся и безнадежно промокающие. Тата едва послевала, лишь прочным соединением рук удерживая Стасю, впавшую в счастливое безумие. Уже на пороге она обхватила Стасю - мятущуюся, дрожащую, неуравновешенную. По ее разгоряченной шее ручьями стекали суетливые потоки. Тата собирала их теплыми ладонями, и не в силах сохранить, стряхивала. Стася смеялась и покрывала ее лицо, руки, мокрые волосы случайными, куда придется, но оттого особо ценными поцелуями.

Вышедшая из душа Тата распахнула окно. Стася вскочила с кровати и тут же его захлопнула.

- Но вся комната наполнена душным запахом ночи. - запротестовала Тата.

- Тата! - Ее имя прокатила прохладным мятным леденцом по языку, - Я люблю все, что пахнет тобой! В доме твоем - каждый твой шкафчик детский люблю, каждую старую игрушку, каждую полочку, на которой ты хранишь свои книги.

- Это не повод задыхаться взаперти - улыбнулась Тата. - Впусти хотя бы свет!

- Забыла сказать. Я насовсем с тобой. Больше не хочу без тебя!

Тата посмотрела на нее, изучающе. Стася сползла с кровати, схватила со стола самый большой апельсин и растащила в стороны тяжелые шторы. Солнце вспышкой ударило в комнату.

- Насовсем на неделю? Или на две?

Стася задумчиво и сосредоточенно расковыривала руками апельсин.

- Вот ты знаешь, моя бывшая девушка. Я ей очень благодарна! Но это была пред-любовь, научившая меня любить, подведшая меня к тебе, к нашей с тобой встрече! И вот, наконец, ты пришла. Я же никого не любила, как тебя. И не полюблю никого, никогда, не дай Бог! Только тебе предназначается все агония, мука, боль, страсть, терзания, томление! Должна признаться, я так боялась что ты влюбишься в апреле и не дотянем до поздне-майской нашей встречи!

- Просто апрель в том году выдался холодным. - ответила Тата, улыбаясь.

- Я, ты знаешь, чувствовала свою обреченность еще до нашей встречи - я уже все-все знала и все предвидела. И шла на это, как на войну идут, только вперед потому что другой дороги нет.

- Ты серьезно?

- Не знаю, уж что ты намерена со мной делать. Но отныне я с тобой навсегда. Больше никуда не уеду. И тут она встала, как вкопанная! Она - то есть ты. Не обижайся, что я о тебе в третьем лице. Так просто нагляднее.

Тата опустилась в кресло, устремив ладонь к губам.

- Сегодня же утро солнцестояния! Нет! Солнце-восстания!, - Воскликнула Стася, окуная зубы в мякоть, продавливая и проталкивая ее, проминая остриями до самого основания.

Изгоняемая жижа стекала по ее рукам, достигая запястий. Стася смеялась. И от сжимаемой в белых пальчиках кожуры слетала золотящаяся на солнце апельсиновая пыльца.

Спустя два дня Стася уехала. Тата бродила по дому одна в поисках пристанища. Боль не давала ей сосредоточиться.

Небо набухало предгрозовыми облаками. Ветряные мельницы разгоняли свои лопасти в такт усиливающемуся северному потоку. Стася сидела в глубоком бархатном кресле экспресса, уносявшего ее из Москвы в замерзающий Питер. Она наслаждалась тишиной вагона и первыми символами приближающейся зимы. Сколько направлений, самолетов и поездов она израсходовала на их короткие встречи. Тата слабела с каждой неделей, однако держалась молодцом, не жалуясь и не вспоминая о своей болезни. Стася сжимала зубы и молчала, не позволяя себе плакать в ее присутствии. Все чаще они встречались в гостиницах и отелях. Смена обстановки бодрила Тату и отвлекала их обеих от лишних мыслей.

За стеклом ползли позеленелые реки и пустующие поля, устланые поредевшими дикорастущими травами или укрытые грубо взъерошенной землей. Временами, задумавшись, она запускала руку в пряди своих недавно коротко остриженных волос и пропускала их ровные концы между пальцев. Короткая остановка в пригороде Санкт-Петербурга принесла свежие потоки холодного воздуха и укутанных в пальто замерзших пассажиров. Реки в каплях дождя и окостенелые комья земли - вот все скучное богатство природы, развернувшееся в пределах ее взгляда.

Дрожали окна вагона, дрожало все вокруг, томясь в ожидании встречи.

Тата ждала ее появления с минуты на минуту. Она была бледна и нервно закурила, осторожно держа сигарету, чуть дотрагиваясь до ее основания. Тата не любила сигареты. Но теперь старалась хоть чем-то занять остававшиеся трепетные минуты. Она размышляла о предстоящей встрече, о том, что все сложнее им теперь расставаться.

Приедет совсем скоро! - думала она, - Интересно, она мне дана как наказание или как поощрение? Скорее, как свершившийся факт.

Тата не была худой, но утонченные черты вырисовывали ее фигуру стройной и выразительной. О себе ей давно все было уже известно.

“Вот я одна - расслабленная и размягченная. А входит она - стараешься, и вытягиваешься по струнке. Я даже корпус разворачиваю в сторону вошедшей, потому что невольно вся тянусь и раскрываюсь к ней. Мыслями и разумом разворачиваюсь, не телом. А оно лишь реагирует, бедное. Что же ему остается? Хорошо, что не бегу навстречу! Мне по старшинству не положено бегать”.

Когда в Питере идет дождь, Стася терпеливо любуется намокшими улицами и домами, плавно марширующими пешеходами и приоткрытыми дверями лавок. Все обусловлено одним ритмом, завязано в едином веретене времени.

Она шла вымокшая под косым дождем и бормотала почти вслух:

«Ну, черт с тобой, - решила я, - иди!

Какой любовью на меня ты пролит?

Ах, этот странный климат, будь он проклят!

Прощенный Дождь запрыгал впереди...»

Эта любовь к поэзии была прочно привита трепетным питетом Таты к слову. Великодущие Таты временами доходило до самопожертвования. Наверное впервые поэтому Стася прибилась к ней, как бродячий щенок. Временами она страдала жаждой прикосновения, желание и вожделение вызывали в ней нетерпение и почти что алчность, даже жадность. Она же мгновенно угадывала настроение Таты. Каждый аккорд ее голоса, не существовавший ранее тон и каждая новая интонация тут же распознавались. Стася как будто раскладывала ее речь на звуки и звуны, иногда не обращая внимания на смысл сказанного. Важным было только то, во что была завернута, упакована информация.

Иногда они ссорились. Тогда Стася сдержанно пережидала день, переживала его, переставала, переносила, иногда мучительно пережевывала. Но не звонила.

Наконец, углом здания на нее выступил отель. Стася взбежала по крутой внешней лестнице, минуя ресепшен и, пронесвшись по внутреннему ходу, ворвалась в комнату.

Тата вздрогнула, окуная совсем не шедшую ей сигарету в пепельницу на подоконнике.

Стася вмиг пересекла комнату, оказавшись возле нее и обхватив холодными руками прижалась к ней мокрая.

- И все-таки это абсурд. Такая самодовлеющая нелепость, бессмыслица - без конца расставаться!
 - Тебя же трясет от холода! - произнесла Тата вырываясь. Она принесла из ванной полотенце.
 - Давно меня ждешь? Я сбилась с ног, пытаясь в этом хлюпающем городе поймать такси.
 - Парой часов больше или меньше. Все уравновешивается, когда до этого ожидание длится неделями.
 - Какое все-таки утомительное завершение у этой кровати. Мне всегда хотелось отворовать этот верх! - Стася бросила полотенце на смятое покрывало.
- Стараясь успокоится, Тата взяла в руки гитару. Стася осторожно присела в кресло напротив и замерла.
- Давно собиралась спросить: почему ты обездвижеваешься, когда я пою?
 - Оттого, что я так не умею, и никогда не заумею. Завидую твоему таланту завораживать.

Когда наступила послепесенная тишина, Стася завозилась в кресле:

- Мне с тобой совсем одиноко, почти как с собой одной. Есть в наших встречах какая-то обреченность.
- Такая неизбежная нежность, - отзвалась Тата.
- Что ж, остается надеяться, что красота и нежность восстановят баланс справедливости в мире.

ГЛАВА IV

- Ну, послушай же! Это только на время. Я уже сообщила Тате, что ее лечащий врач вот-вот должен смениться потому, что она идет на поправку.
- У тебя крыша поехала! Ты когда последний раз дома была? - голос Стаса приобретал слишком серьезные нотки.
- Я уже обо всем договорилась. Видеть не могу эти жалкие похоронные лица местных лекарей! Нас не надо жалеть. Мы, наконец-то, впервые счастливы!

Стас помолчал, размышляя.

- Ну какой из меня врач? Я же не черта не понимаю в медицине.
- Стасик, ну пожалуйста...

На том конце зависла тяжелая пауза.

- Ты пользуешься запрещенным приемом. Когда надо приехать?
- Завтра в 10. Это первый утренний обход. А врачи все равно теперь уже бессильны.

Рита сидела спиной к не запахнутой двери своей квартиры на лестнице и смотрела в окно, выходившее во двор.

Там хотя бы падал снег.

Одним плечом она жалась к холодной, криво выкрашенной голубой краской стене. На ней был натянут серый свитер весь утыканный катышками и измятая юбка, то и дело льнувшая к худощавым ее коленям. Черные заканчивавшиеся выше щиколоток ботинки, касались развязанными шнурками ступней. Короткие темно-каштановые клочки обезумевших волос существовали в им одним известном единстве.

Подъезд всегда был ее верным укрытием.

Время от времени мимо проскальзывали незнакомые лица - спешащие, улыбавшиеся собственным мыслям и не замечавшие ее. Жутко хотелось курить, но десять месяцев назад она бросила.

В квартире зазвонил телефон. Рита поморщилась, с неохотой поднялась, найдя опору на стене и с трудом удерживая равновесие.

- Алло?

- Ну наконец-то! А я все звоню и звоню тебе. Думала, ты ушла!

- Да нет.

Рита посмотрела на приоткрытую створку окна, в которое просачивался снег.

- Я скоро приеду. Жди меня, никуда не пропадай. Я купила удивительную вещь. И тебе кое-что. - добавил голос загадочно.

Рита повесила трубку. А затем вернулась в прихожую, вспомнив про незапертую дверь, и несколько раз повернула щеколду изнутри.

Спустя четверть часа Инга проникла в квартиру. Светлая, холодная с застывшими каплями растаявших снежинок на плечах. Она внесла за собой поток летучих духов, сигарет, снега, тут же распространяясь повсюду. Рита вдыхала ее запахи, стоя в проеме соседней комнаты. Она любила первые секунды, когда Инга образовывалась в прихожей, заполняя обездвиженное пространство свежестью и суетой.

- Вот видишь, я теперь даже не курю при тебе! - заметила она, улыбаясь.

Рита безразлично пожала плечами.

Инга бросила опавшее с нее пальто на комод и чуть притронулась к волосам, мельком взглянув на скользнувшее изображение в зеркале. Прошла в комнату, сложив прямо на пол завернутые в бумагу приобретения.

- Принеси мне бокалы - скомандовала она, захлопывая окно и усаживаясь на край подоконника, чуть касаясь мысками пола. - Какой холод! Зачем ты вечно держишь его открытым?

«Ей хотя бы еще нужны деньги, дорогая одежда, косметика, шампанское, украшения и прочая чушь» - подумала Рита, наблюдая как та разворачивает шуршащие упаковки.

Возвращаясь с бокалами, она поправила разбросанные сапоги Инги. Они были совсем новыми. Инга проследила направление ее взгляда.

- А, да. Пришлось купить, сегодня я страшно натерла ноги!

- Где же ты оставила те, что были на тебе?

- Отдала одной несчастной женщине прямо на улице. Она так им радовалась! Я даже испугалась, не безумная ли.

Инга наполнила принесенные бокалы из уже вскрытой бутылки шампанского.

- А тебе необходимо переодеваться. Менять свитера и обувь, вообще хоть что-то покупать, - сказала она, вытягивая из бумаги новый черный шарф и показывая его Рите.

Та не двигаясь с места смотрела на свое мутное изображение в стекле. Инга изучающе наблюдала за ней, как будто видела впервые.

- Понимаешь, с моей сугубо профессиональной точки зрения, - начала она осторожно, - современное общество делится на Заказчика и Творца. Потребителя и Производителя, - Инга кинула шарф на диван, - Причём это касается не только материальных благ. Но и информации. Существуют так называемые Даватели информации и ее Потребители. Профессиональный альтруизм при этом обесценивается - одной рукой она добавила в свой опустошенный бокал шампанского. - Мужчины испорчены безынициативностью и болтливостью. Женщины, конечно, оказываются сильнее...

- Знаешь, я не готова слушать твои бредни на тему самопожертвования. Зачем ты приехала?

Хочешь сказать, что смотрела интервью?

Инга замерла, уперевшись в нее серо-голубым взглядом.

- Ты несла полную чушь вчера! И потом, надо что-то делать с твоими незаконченными жестами. Ты же такая нервная, без конца дотрагиваешься до этих своих волос.

- Оставь меня...

- А форма? Зачем ты задавала ему вопросы, когда это Он! - Инга повела свободной рукой в многозначительном жесте - Он должен был их задавать тебе! А ты - просто давать внятные ответы! И вообще, зачем ты отправилась туда? Тате ты этим все равно уже не поможешь. Ты же не будешь каждый раз давать за нее интервью. Все это выглядело жалко, понимаешь?

- Если ты приехала, чтобы добивать - проваливай.

Инга устало вздохнула.

- Иди ко мне. Иди же, ну?

Рита сдвинула брови, однако нерешительно придвинулась к ней на пол шага. Инга притянула ее к себе за руку и стала приглаживать торчавшие во все стороны жесткие пряди.

- Ты же такая чуткая, но иногда мне кажешься абсолютным ребенком. Ты - мой маленький человек... - произнесла она объясняющим тоном и окончательно прижала ее к себе.

Засыпая на ее плече в наступившую ночь, Рита думала о девушке, получившей сапоги. Наверное, она стала счастливее сегодня. А потом о снеге, все еще падавшем над ее домом прямо с небес.

Сквозь распахнутые двери палат в длинный больничный коридор вломилось зимнее солнце. По коридору бодро чеканя шаг и улыбаясь шел статный Стас. Его распахнутый белый халат взлетал при каждом шаге и опускался, раскачиваясь и вторя его движениям. Он подвернул слишком длинные ему рукава на ходу и теперь совсем уже вжился в роль новоиспеченного врача. Молоденькие медсестры засматривались вслед его удаляющейся легкой походке.

Стася мчалась изо всех сил, но все равно бессовестно опаздывала. Она пробежала два лестничных марша, но заметив, что на верхней ступени последнего кто-то стоит, замедлилась до шага. На самом верху стояла женщина в аккуратном льняном сарафане и с кое-как собранными в хвост волосами.

Едва Стася приблизилась, как та облегченно вздохнула, тут же подхватив ее за руку и потянув за собой.

- Ну наконец-то, пришла - поговорила она загадочно, - ты бы еще завтра явилась!

Стася удивленно подняла одну бровь, однако поддалась.

- А вы....?

- А мы тебя с самого утра ждем не дождемся!

Женщина взмахнула свободной рукой в многозначительном жесте.

- Зачем? - искренне удивилась Стася, ведомая по коридору в сторону больничных палат.

- Нет, ты мне главное скажи! Отец твой - электрик?

Стася невольно остановилась.

Женщина невозмутимо смотрела ей прямо в глаза.

- Вы меня с кем-то путаете...

В это мгновение из соседних дверей ординаторской вышли двое - врач и молодая сестра в белых халатах.

- Серафим Игнатыч, вы меня тоже поймите, не привязывать же мне их!

Она окинула взглядом стоящих возле дверей Стасю и женщину и облегченно вздохнула,

- Вот вы где! Нагулялись? Я пол утра за ней бегаю - обращаясь к врачу.

Тот только осуждающе покачал головой, натягивая плотнее медицинский колпак.

Она тут же взяла стоявшую неподвижно женщину за локоть, не обращая на Стасю никакого внимания, и повела ее обратно в сторону лестницы. Женщина с явным огорчением посмотрела на Стасю, но послушно засеменила.

Стася двинулась в сторону палаты. Уже подходя к двери она обернулась. Женщина в это же мгновение оглянулась и, заметив Стасин взгляд, крикнула ей вслед:

- А ты из четвертой? Так я запомню! А теперь - все за мной! И это - не обсуждается!

Она величественно подняла руку и исчезла за поворотом лестничной клетки.

Вот маромойка! - пропела Стася и осторожно заглянула в палату.

Квартира Риты располагалась в одном из элитных районов ставшего родным для нее города. Окна выходили на набережную реки, не замерзшей даже в сильные морозы. Под ее берегами жили беспокойные утки, готовые время от времени выбираться из своего зимнего пристанища в поисках кидаемой им пищи.

Ровно семь месяцев назад ее мама умерла. Последние полгода Рита почти не выходила из дома. Инга прижала к ней два-три раза в неделю, привозила еду, иногда подарки и всегда шампанское. Тата все так же лежала в госпитале. Стася дежурила у ее кровати днями и ночами, ревностно не давая никому возможности сменить ее. Рита шаталась бесхозная по квартире.

О болезни Таты она узнала почти случайно, вдруг поднявши разрывавшийся домашний телефон, которым не пользовалась.

В трубке с гулом говорил принадлежащий кому-то знакомому голос:

- Рита, Тату забрали в госпиталь вчера ночью. Врачи говорят, что неизлечимо.

- Кто это? Что вы такое несете?

- Ты слушаешь? Выпей чего-нибудь. Это сложно будет понять.

Рита присела на край дивана, стараясь соединить говоривший голос с каким-либо изображением.

- Тата умирает. Ты слушаешь? Тебе надо прилететь. Уже вчера все приехали, до тебя никто не мог дозвониться. Теперь столько вопросов, еще эти наступившие холода. Необходимо со всеми договориться...

Голос все продолжал свой монолог, то вздыхавший, то прерывавшийся. Но Рита больше не слушала.

Инга примчалась спустя полчаса.

Рита сидела на полу, водя неслушавшейся рукой по клавишам ноутбука. Она заказывала и заказывала билеты, пока не осознала, что купила их уже пять или шесть раз.

ГЛАВА V

Когда она умирала - не чувствовала ни страха, ни боли. Конечно, она догадывалась, что умирает. Но думать об этом и переживать ей было лень.

Этим утром сквозь дырявые окна больничной палаты плыли мирные облака.

Тата лежала без одежды, по грудь укрытая одеялом так, что видны были ее тонкие, выступающие ключицы. На одеяле лежала раскрытая коробка конфет. Ее кровать была отодвинута от стен и развернута так, чтобы прямо перед собой она видела окно.

На краю ее кровати, спиной к окну, в ломаной позе сидела Стася. Она смотрела на Тату и курила. Дым тонкой струйкой поднимался к беленому потолку.

Вот уже две недели, как Стася стабильно накачивала ее разнообразной наркотой.

Всем тем великолепием, что ей удавалось находить на привокзальных площадях и вочных клубах. На это равнодушный город был щедр и богат.

Стася курила не в затяг и вспоминала, как этим утром стояла на площади трех вокзалов, в темно-серых джинсах, белой рубашке и коротком черном пальто нараспашку. Ее рубашка светилась единственным светлым пятном на фоне города. Глаза были подведены черным на бледном лице. Напротив нее стоял, нервно оглядываясь, грязно одетый парень. Стася отсчитала деньги, затем потянулась поцеловать якобы на прощание, одновременно сунув ему в карман куртки купюры. Он жадно прижал ее к себе. Стася инстинктивно поморщилась.

- А по сколько принимать?

Парень запустил свою неухоженную руку в карман ее пальто и опустил туда тщательно свернутый пакетик.

- Это смотря чего тебе хочется, малыш.

Она проносила их в коробочках из-под конфет, аккуратно раскладывая марки, таблетки и пакетики с порошками в ячейки.

Впрочем, с той же легкостью Стася могла их откровенно держать в руках, проходя мимо молчаливого охранника. Ее никогда не обыскивали.

Проникнув в корпус, она усаживалась на излюбленном пыльном подоконнике в кабинке общественного туалета. Перед ней на нашейном платке рассыпались таблетки, пакетики, марки. Она съедала последние конфеты, вытрясая оставшиеся крошки на пол и аккуратно раскладывала таблетки в одной ей известной закономерности в ячейки. Остальное распределяла по глубоким карманам джинс.

У Инги было удивительное чувство юмора. Часто она хохотала над самой собой, и делала это тонко и грациозно.

В этот вечер они сидели вдвоем возле распахнутого пианино. Рита притрагивалась к холодным клавишам кончиками пальцев, заставляя инструмент постанывать намеками на извлекаемые звуки.

- А пару лет назад мы были их кумирами. Они же ночевали под нашими домами, эти безумные. Пили портвейн, разглядывали зашторенные окна.
- Вот кстати, застали меня пару раз выпившую, собаки. Однажды я даже в подъезд не могла войти, потеряла ключи тогда ...

Инга вздохнула.

- И как ты к этому относишься? Когда они караулят вас повсеместно, наштамповывают отвратительные снимки?

- Ну, терпишь. До какого-то момента. Стараешься не сорваться.

- На самом деле они любят твой живой манекен. Просто придуманный тобой однажды шаблон, понравился. И его стали популяризировать, множить. В итоге тебя там практически нет, кроме шкурки. Никакой внутрянки, сплошное надувательство.

А когда оболочка стареет - надо ее подшлифовывать и натягивать.

Рита вдруг вспомнила, как однажды осенним вечером, заворачивая во внутренний двор своего дома, она заметила одиноко стоявшую под аркой девушку. В руках у нее маячил усталый букет ромашек. Рита остановила машину прямо возле нее и опустила стекло:

- Какого черта ты тут околачиваешься?

Над ними на трофеях болтался вечерний фонарь. Плясавшие тени слились живым хороводом вокруг. Девушка отпрянула, едва сдерживая подкатившие от ужаса и одновременного восторга слезы. Спустя несколько секунд Рита выскочила из машины, наконец, коряво и нервно припарковавшись. Девушка молча отступила на несколько шагов, не в силах произнести ни слова. Тогда Рита выхватила с заднего сиденья сумку, накинула её на худое плечо и раздраженными полушагами-полупрыжками бросилась к дому, прижалась ключом и вбежала в спасительный подъезд.

Она высунулась в окно едва поднявшись на свой этаж. Девушки во дворе уже не было.

Казалось с того дня прошла целая вечность. В ее дворе больше не появлялись выжидающие подростки. Под дворниками машины она не находила больше высохших за ночь цветов и поведенных влагой конвертов. Все закончилось так же неожиданно, как когда-то началось. Ее просто забыли. Тень уходящей Таты заслоняла все вокруг.

- Он же редкая скотина, взгляни, - Прервала тишину Инга.

Рита переняла раскрытый журнал из ее рук.

- Я не умею так выражаться! Он все переврал. И зачем-то присоединил ко мне слова об осторожности.

А я напротив думаю - жизнь такая короткая и уязвимая. Надо отдаваться всем падающим на тебя любовям самозабвенно, бескорыстно. Наслаждаться каждой наполненной ими минутой.

- Просто они слушают выборочно. У них же годами наработанная избирательность.

- Ахаахаха! Была у меня одна такая приятельница. Когда я рассказывала ей о своих женщинах - она прерывала меня размышлениями о производстве супа. Она просто не слышала!

- Потом, ты же клинически влюбчивая.

- Вовсе не так, - обиделась Инга, - Я предпочитаю очаровываться людьми. Встретить какую-нибудь душу, не обделенную талантом. Запасть на ее странности, наблюдать со стороны, любоваться. Одно лишь предвкушение отношений вызывает во мне ощущение счастья. Намеком на возможную близость я могу упиваться годами.

- А ты не замечала, что у всех женщин, умеющих любить женщин - мужские руки?

- Я замечала, что у всех женщин, умеющих любить женщин неустойчивый характер, - произнесла Инга, улыбнувшись и вскинув правую бровь.

Рита с серьезным видом повернулась к пианино и заиграла. Она играла неистово-радостно, бодро и проникновенно, позволяя тонким пальцам по очереди утопать в мясистых клавишах инструмента.

Каждое их утро начиналось с пакетика метадона, разведенного в стакане апельсинового сока. Казалось, сегодня Тате стало легче.

Стася, державшая в одной руке наполненный стакан, другой высыпала в него содержимое бумажного пакетика. Из него сыпался грязно-белый порошок. Она бережно размешала содержимое, поднимая стакан на просвет. Затем наклонилась над Татой, поправляя ей подушку, целуя напролет ее спутанные волосы на макушке, и отдала стакан.

- Давай, до дна.

Тата взяла его, отпивая маленькими глотками, не спрашивая.

Пока опиат действовал, они могли часами разговаривать обо всем на свете, плавно перетекая от одной мысли к другой. Когда Тата засыпала, Стася незаметно выходила на прогулку. Ближе к обеду они вскрывали коробочку с калейдоскопом пиллюль и играли в цвета.

- Угадай, сколько тут разновидностей?

Стася таинственно выудила коробку из-под тумбочки, зацепив ее двумя пальцами. Тата силилась разглядеть ее содержимое.

- Там должен быть красный, а еще желтый и немного синего. Ты же не забыла про синий?
- Нет, конечно нет! А еще я добавила новые, они такие холодные на ощупь. Хочешь попробовать?

Стася подхватила большую холодную таблетку, положив ее на свою маленькую ладошку, и поднесла к лицу Таты. Та съела предложенное одними губами и закрыла глаза.

Тата должна была угадывать весь цветовой спектр принесенного, затем выбрать первую партию. Назначения не было. Каждый раз при покупке Стася педантично интересовалась о количестве, которое можно было проглотить за прием. Иногда дилеры смотрели на нее, как на сумасшедшую. Ей было безразлично.

Бывали дни, когда Тата уже не просыпалась до самого вечера. Видимо, иногда они превышали отведенные дозы.

Но настоящий праздник начинался вечером, когда Стася приносила бутылку шампанского.

В ресторане было сумрачно и спокойно. На стенах горели двойные бра. Их свет преломляли и разносили по залу огромные зеркала, обрамленные в старинную лепнину. Свисавшие на тонких тросах полусфераe высвечивали столики, накрытые белыми скатертями в пол. Казалось, что скатерти сами светились и плыли на фоне серой массы палубной доски.

Инга вбежала торопливыми шагами, на ходу разворачивая шарф, обернутый вокруг ее тонкой светлой шеи.

- Могла бы для разнообразия не опаздывать.

Инга не ответила, скользнув взглядом по пустующим столикам вокруг.

- А здесь сегодня удивительно тихо, - произнесла она, склоняясь над поверхностью стола в удлиненном жесте так, что Рита успела наполнить легкие воздухом ее духов.

Инга всегда встречала ее нежным касанием волос по щеке.

В теплом свете ламп они становились золотыми, с примесью пепельных и янтарных оттенков. Такие тонкие, что Рита, касаясь, с легкостью пропускала их проскальзывавшие сквозь пальцы потоки.

- Ты опоздала на час! Это катастрофическая несобранность. Ты даже к бабушке своей опоздала, когда та умирала.

- Я же тебе объясняла, - вздохнула ничуть не обидевшись Инга, - Ее тогда положили в такой далекий заброшенный госпиталь. Я пол дня туда добиралась, даже каблук сломала, но так и не решилась войти. Приехала и стояла со сломанным каблуком под окнами, пока не стемнело. А вечером территорию стали закрывать и меня согнали. На самом деле, я просто не хотела запомнить ее умирающей.

Она, наконец села и привычным жестом заказала узнавшему ее официанту шампанского.

- Тебе надо начать писать. Когда ты занята делом - все остальное уходит на другой план. Тогда ты перестаешь блуждать в своей раздражительности.

- Я не хочу больше писать.

- Как это?, - Инга наполнила принесенные бокалы и теперь пальцами подхватывала и опускала в их шипящую пену лед.

- Нет больше мотивации. Ничто не вдохновляет. Я всегда задавала себе вопрос: ради чего? Гордиться перед кем? А делать это ради себя - провал. Теперь я - самый растратившийся в мире человек.

- Раньше ты умела писать для меня, - задумчиво произнесла Инга.

- Раньше, когда тебя интересовало нечто большее, чем материальное.

- Я просто стараюсь жить. В отличие от тебя, я все еще не сдалась. А впрочем, ты могла бы писать для своих.

- Ты что, ослепла? Нашей публики больше нет! Она просто озлобилась и исчезла.

- Но ведь ты сама их возненавидела и заставила оставить вас в покое!

- Я просто пыталась защитить себя и Тату в физическом плане. А тебе что, доставляет особое удовольствие, когда за твоими перемещениями постоянно следят?

- Вот поставим вообще прочерк. Не хочу отвечать на твои идиотские выпады.

Инга отвернулась, разглядывая зал.

- Мне кажется, - заговорила она не поворачиваясь, - что ты чересчур мнительна. Ты вообще хоть кого-нибудь еще любишь, кроме себя страдающей?

- Это очень хамский вопрос.

Рита инстинктивно встала из-за стола и направилась к выходу.

Инга грустно проводила взглядом ее маленькую угловатую фигуру, скрывшуюся за распашными дверями.

За окнами мерно подывал ветер. В палате горел ночник. Из коридора слышался шепот переговаривающихся санитарок.

Стася распахнула окно, аккуратно поправляя прическу и направилась к двери туалета. Там она залезла с ногами на бачок, придерживаясь за стены и сняла решетку вентиляции. За горлышко извлекла бутылку шампанского. Проверила название.

- А сегодня у нас настоящее шампанское! - восторженным полушепотом заявила она.

- Давай сначала покурим?

Стася вернулась с бутылкой, поставив ее на тумбу. Из сумки на полу выудила пачку папиросной бумаги, завалевшийся фильтр и пакетик табака. Затем быстро и мастерски скрутила сигарету на коленях. Закурила, передвая ее дымящуюся Тате.

Ежевечерне, едва дождавшись последнего обхода, они разливали шипящую пену в высокие бокалы, которые прятались за съемной решеткой вентиляционной трубы в туалетной комнате и зажигали свечи. Стася раскрывала окно. Раскуривая тонкую самодельную сигару гашиша или анаши, они придумывали рассказы, записывая их на клочках шершавого блокнота, расположенного на дрожавших коленях Стаси.

В гостиной звонил телефон. Инга ответила на последнем его вздохе, раздавшемся в глухой тишине.

- Привет. Третью ночь не сплю, - услышала она напряженный голос .

- А я - изучаю запахи квартиры, - Прервала ее Инга, - Оказывается в разных ее уголках они блуждают совершенно непохожие: запахи талька и духов, мебели, свечей, даже развернутых книг.

- Ты будешь очень строга ко мне, если сейчас я приеду?

В палате их было двое. Стася солидно приплатила суетливым санитаркам, чтобы их лишний раз не беспокоили и никого не подселяли. Ей было плевать на деньги.

Стас в роли главного врача отделения появлялся несколько раз в неделю. Медперсонал привык к его присутствию и не обращал внимания.

Днем Стася сидела напротив, оставив между их кроватями узкий проход. На ночь они сдвигались, образуя их общее ложе - тайное убежище дляочных разговоров.

Теперь Стася совсем исхудавшая сидела на самом краешке кровати. На ней была натянута серая джинсовая юбка чуть выше колен и темно-синий свитер с высоким горлом, рукава которого были небрежно задраны. Ботинки мужского фасона. Волосы слегка растрепаны, красная помада в отсутствии макияжа.

Стася, незаметно открывая кошелек прямо внутри сумки и роясь в его пустоте, заговорила первой:

- Помнишь, в детстве мы были ближе к Богу. Может быть, чаще смотрели на небо? С возрастом приходит ощущение, что какая-то суть забылась.

Тата лежала неподвижно, ее руки с шевелящимися пальцами были вытянуты вдоль бледного тела.

- А мне вспоминаются поля, бесконечные поля кукурузы или гороха. И закатный свет в окнах машины. Разговаривать с папой было запрещено, потому что он должен быть мочалив и сосредоточен за рулем. Вокруг только гул ветра в колесах и мой разговор с Ним. Мне казалось, что вот там, за этими светящимися гроздьями облаков и начинался рай для ушедших.

В дверях палаты появился Стас в идеально выглаженном халате нараспашку, из под которого торчал черничное-синий ворот свежей рубашки и широкие белые штаны со стрелками.

- Девушки, могу я вас побеспокоить?

Он подошел к кровати, и медленно аккуратно засучив рукава, подхватил тонкую белую руку Таты в свою большую теплую ладонь. И замер, сосредоточенно считая пульс, глядя куда-то в себя.

- Сегодня снег пойдет - произнесла задумчиво Тата.

Стася незаметно выскоцьзнула из палаты. Уже за дверью она набрала номер и встала в усталой развязаной позе прижавшись к стене, ожидая ответа.

Осуждающим взглядом ее окинула проходящая мимо санитарка с запачканном мятым халате.

Шли гудки. Наконец на том конце ей ответил резковатый женский голос.

- Тася ...- произнесла трубка тоном человека, вдруг вспомнившего все их общее прошлое.

- Привет, а я вот боялась, что ты не в городе.

- А я очень даже в городе. Если успеешь до захода - я открою эту бутылку с твоим приходом. (в трубке слышится звон бокала о нераскрытую бутылку).

- Я скоро приеду.

Стася вернулась в палату.

- Мне надо будет съездить тут в одно место. Я быстро вернусь. Оставлю тебе музыку в наушниках, ты даже не заметишь моего отсутствия.

Казалось, Тата ее даже не слушала.

- Хочешь? Я накрашу тебя!

Стася присела на край ее кровати, из ее сумки незаметным жестом выскоцьзнула косметичка. Чуть дотрагиваясь до лица кончиками пальцев, Стася стала красить лежащую, слегка прикусив нижнюю губу.

- Знаешь, я все время мечтала побывать с тобой наедине. И все не удавалось. Столько людей вокруг, ненужных встреч, посторонних мыслей. Я все ждала, когда ты договоришься, наконец, допоешь и мы останемся вдвоем.

Тата смотрела на нее, не прерывая взгляд.

Во дворе Стася постояла под окнами, словно ожидала, что она вдруг выйдет, Когда незнакомец входил в подъезд - Стася вышла из тени и бодро зашагала в сторону открывающейся двери.

На резкий звонок дверь распахнулась. Появившаяся в темноте двери, была одета в рваные джинсы, едва держащиеся на выступающих костяшках бедер и растянутую майку, нацепленную на голое тело.

- У меня любимая девушка умирает, проговорила Стася.
- Бл, а у меня свет отключили!
Стася потрогала рукой дорогой наличник входной двери.
- Звонила электрику?
Девушка молчала, разглядывая ее в дверях не вошедшую.
- Ты знаешь, я все деньги израсходовала. Обследования, госпитали, лекарства...она задумалась.
- На что же вы живете? - чуть наклонив голову, вдруг заинтересовалась открывшая..
- Вот до этого дня справлялись как-то, ответила Стася уклончиво.
- А ты изменилась. Бледность тебе почти идет.
Девушка окинула широким взглядом пришедшую. В теле темноты квартиры послышались шаги.
Она обернулась. Затем провела ровным жестом руки по спутавшимся коротким волосам и добавила.
- Знаешь, я тут оказалась не одна. Ну, вы держитесь там.
Секунды они смотрели друг в друга.
Дверь медленно поползла, затворяясь.

Стася постояла возле захлопнувшейся двери, потрогала кончиком языка не выдранные зубы мудрости. И пошла спускаться мимо расписанных стекол лестничных пролетов и шевелящихся тлеющих соединений окурков в банках из-под редких консервов
В соседней продовольственной лавке она купила на последние, бережно сложенные в кошельке деньги бутылку дешевого шампанского и шоколадное печенье.

Идя вдоль набережной, она так и несла бутылку в одной руке - кулек с печеньем в другой.

Когда она входила в больничное отделение, ее бесчувственно брошенной фразой окликнула санитарка в запачканном халате:

- А Тата умерла сегодня ночью.
Иссиня-белый халат застыл в свете расположившегося утра...
- Можно я постою здесь немного, - прошептала почти неслышно Стася и сползла на корточки.

Спустя полчаса Рита без шарфа в черном пальто нараспашку вошла в квартиру. Вся его сущность была насквозь пропитана на глазах тающим снегом. Она посмотрела на Ингу пронизывающим взглядом.
- Так и будешь хранить в себе все обиды?

Рита покачала головой.

- На человека сильно обидевшего я смотреть не могу. Глаза не поднимаются. От стыда. Мне за него стыдно, понимаешь?

Инга вздохнула:

- Такую мокрую я тебя в дом не впущу. Можешь разве что пройти не касаясь стен до ванной.

Рита повесила в дальний угол пальто, с которого на пол катились крупные, масляные капли и послушно двинулась в указанную ей сторону.

Спустя несколько минут Рита появилась в проеме двери без единого намека на существовавшую ранее одежду. В косых лучах света вокруг нее клубились потоки светящейся золотой пыли.

- А я вот стесняюсь своей нагой несовершенности, - с деланной серьезностью произнесла Инга и захохотала.

Стася неслась по городу, вдоль широкой аллеи парка, вдоль которой стояли больничные корпуса. Она очень спешила, поэтому проскользнула прямо между струй фонтана, вырвавшихся прямо из земли, распустила руки ладонями вниз, легонько оттолкнулась и подпрыгнула. Струи должны были подхватить ее ставшее почти невесомым тело и потащить вверх. Подпрыгнув на несколько обзорных десятков сантиметров, вдруг, она испугалась, что вода и правда утащит ее слишком высоко. Но в пустом рюкзаке за ее спиной болталась бутылка пива, мешавшая взлететь.

Стася проскочила мимо охраны, ворвалась в пустую палату и влезла на широкий больничный подоконник. В окне над ним парило свежее солнце. На месте, где лежала Тата, светилась смятая постель.